

А.В. Горушкина
г. Череповец

ГЕОПОЭТИКА ТВОРЧЕСТВА И. СЕВЕРЯНИНА (на материале поэмы «Роса оранжевого часа»)

На протяжении веков люди так или иначе стремятся осмыслить и ценностно упорядочить то место, где они живут, тем самым вписав его в свой собственный уникальный мир: определение локализации для каждого имеет важное значение. Таким образом, внешние характеристики пространства неотделимы от внутренних субъективных переживаний человека. Это приводит к тому, что в лингвистике, особенно в последнее время, так активно изучается вопрос понимания человека через его отношение к географическим объектам. В частности, этим занимается геопоэтика. Первое упоминание данного термина относится к середине 1990-х годов. В силу относительно недавнего появления термина, в науке нет однозначного его толкования. Так, доктор филологических наук Влади-

«Согреет всех мое бессмертье...»: Личность и творчество Игоря Северянина
в культурном контексте XIX–XXI вв.

мир Васильевич Абашев в книге «Русская литература Урала. Проблемы геоэтики» указывает на то, что для филологов *геоэтика* является специфическим разделом поэтики, «имеющим своим предметом как образы географического пространства в индивидуальном творчестве, так и локальные тексты, которые формируются в национальной культуре как результат освоения отдельных мест, регионов географического пространства и концептуализации их образов» [2]. В статье «Литература и география. Урал в геоэтике России» он пишет: «Под геоэтическим образом мы понимаем развитый символический образ территории как единого целого. Такой образ начинает формироваться, когда территория, ландшафт в своем собственном бытии <...> становятся предметами эстетической и философской рефлексии» [1]. Кандидат географических наук, доктор культурологии Дмитрий Николаевич Замятин определяет геоэтику как «видение себя внутри пространства» [4]. Отметим при этом, что «собственное имя любого географического объекта, местное имя» [3] в лингвистике называется *топонимом* (греч. τόπος место, местность; ὄνομα имя).

Наша статья посвящена рассмотрению геоэтики творчества Игоря Северянина. Материалом исследования послужила поэма детства в трех частях, написанная вологодским поэтом в 1920–1921 годах, под названием «Роса оранжевого часа» [5]. Цель нашего исследования – рассмотреть функции топонимов в данном тексте.

В ходе анализа поэмы «Роса оранжевого часа» нами было проанализировано 86 употреблений топонимов (с учетом того, что некоторые из них повторяются, мы можем говорить о 65 различных географических наименованиях).

Все употребляющиеся топонимы по значению можно условно разделить на 27 групп, наполняемость которых различна (от 1 наименования до 21). Наиболее многочисленными являются следующие категории:

- 1) города (21 употребление) – урбанонимы;
- 2) реки (11 употреблений) – гидронимы;
- 3) страны/государства (4 употребления).

На них мы остановимся более подробно. При анализе топонимов **первой группы** нами обнаружена модель, отражающая антагонистические отношения топонимов, связанных с детством и юностью

поэта, проведенными в Вологодских краях, и топонимов, отражающих реалии заграничного мира.

Так, например, в 17-й строфе I части реализуется негативная коннотация онима Париж: «От путешествия в *Париж*, / Что обошлось почти в именье, / От всех Джульетт, от всех Мариш / Почувствовал он утомленье / И боли острые в груди: / Его чахотка впереди / Ждала». Во-первых, мы видим связь с реалиями авторской жизни, имеющими неблагоприятные последствия (большая стоимость поездки, болезнь отца). Отметим, что в данном контексте интерес представляет и номинация парижских дам: «от всех Джульетт, от всех Мариш». Использование имен собственных во множественном числе как бы обезличивает образы, делает их определенными символами: данные онимы не только обобщают всех французских девушек, но и показывают пренебрежительное, неуважительное отношение к ним. Нужно заметить, что о русских девушках в произведении нет высказываний в негативном ключе. Все это приводит к созданию угнетающего образа заграничного государства.

Обратную ситуацию можно увидеть в случае с топонимами, обозначающими родной край: «*Череповец*, уездный город, / Над Ягорбой расположен, / И в нем, среди косматых бород, / Среди его лохматых жен, / Я прожил три зимы в Реальном, / Всегда считавшемся опальным / За убийство царя / Воспитанником заведенья, / Учась всему и ничему / (Прошу покорно снисхожденья!..) / Люблю на Севере зиму, / Но осень, и весну, и лето / Люблю не меньше». В данном контексте можно выделить три имени собственных, обозначающих географические реалии. Расположив их в порядке возрастания, получим цепочку: Реальное училище → Череповец → Север. Описывая изначально топонимы меньшего масштаба, автор делает акцент на провинциальном характере местности, далеко от культуры и быта современных крупных городов. Любовь к северному климату переносится и на весь край. Примечателен для нас тот факт, что в данном фрагменте дважды встречается лексема «люблю», выражающая авторское отношение к нему.

Эта линия прослеживается и во **второй** выделенной нами группе. Рассмотрим ее более подробно. Отметим, что если в случае урбанонимов довольно ясно выявляется противопоставление отечественного и заграничного, родного и иностранного даже на уровне названия городов, то в случае гидронимов такого противопоставления нет: в тексте употребляются лишь гидронимы, обозначающие

«Согреет всех мое бессмертье...»: Личность и творчество Игоря Северянина

реки, протекающие по территории Вологодской области. Наиболее часто упоминается Суда: «Пробыв у мамы три недели, / Я возвращался, – слух наструнь! – / На Суду, где уже Июнь / Лежал на шелковой постели / Полей зеленых; и, закрыв / Глаза, в истоме, на обрыв / Речной смотря, стонал о неге, / И, чувственную резеду / Вдыхая, звал в полубреду / Свою неясную. Побегу / Травинки, ставшие травой, / Напомнили мне возраст мой: / Так отроком ставал ребенок». Речной пейзаж неотделим от картин детства и отрочества. Рассмотрим еще один пример: «Водились в Суде и стерлядки, / И хариус среди стремнин... / Я убежал бы без оглядки / В край голубых ее глубин! / ...О Суда! Голубая Суда, / Ты, внучка Волги! дочь Шексны! / Как я хочу к тебе отсюда / В твои одобренные сны!..». Отметим, что в тексте присутствуют различные наименования реки, основанные на перифразе. Это так же, как и в рассмотренном выше случае, позволяет выстроить градационную цепочку: Суда → Шексна → Волга, что, с одной стороны, подчеркивает их преемственность, а с другой – вписывает гидроним в географический контекст. Обилие восклицательных знаков на синтаксическом уровне, обращений и повторов на лексическом уровне указывает на принципиально важное значение данного онима для автора, на его близость и связь с этим местом.

Остановимся подробнее на топонимах **третьей группы**. Проанализировав части света и государства, мы отмечаем довольно четкое противопоставление «свое – чужое». Приведем пример: «Кем наша *матушка-Рассея*, – / Как несравнимая особь, – / Не зря гордится пред Европой; / И как судьба меня ни хлопай, / Я устремлен душою всей / К тебе, о синий Енисей!». Уже в данном контексте намечается оппозиция «Россия – Европа», при этом родной край оказывается в приоритете. Подобное противопоставление наблюдается неоднократно. Так, вспоминая о беззаботном детстве в Вологодской области, автор противопоставляет ее неизведанной и для многих такой манящей Америке, уверенно утверждая, что она абсолютно ничего не значит в его жизни. Очевидно, что Америка в данном случае выступает не как наименование государства (США), а как оним, символизирующий западный мир: «*Что нам Америка!* Пустое!». Ему противопоставляется образ родного края, являющегося для автора, безусловно, средоточием красоты, житейской мудрости. Он вырастил и научил его человечности, доброте: «Увиденного мной впервые / Большого леса был призыв / К природе. Серд-

цем ощутив / Ее, запел я; яровые / Я вскоре стал от озимых / Умело различать; хромым / Собак жалеть, часы на псарне / С борзыми дружно проводя, / По берегам реки бродя, / И все светлей, все лучезарней / Вселенная казалась мне». Кроме того, можно отметить в тексте уродливое изображение всего урбанистического, что приводит к явному противопоставлению городского и деревенского: «Приди, со мной повечеряй / В таежный край, где льется Суда... / Но стой, ты знаешь ли тот край? / Ты, выросший *в среде уродской, / В такой типично-городской*, / Не хочешь ли в край новгородский / Прийти со всей своей тоской?»; «...представь себе / Леса дремучие верст на сто, / Снега с корою синей наста, / Прибрежных скатов крутизну / И эту раннюю весну...». Северянин описывает природу родного края кратко, но емко: рисуя северные пейзажи, он подчеркивает свою неразрывную связь с ними.

Таким образом, подводя итог, отметим, что в тексте Игоря Северянина «Роса оранжевого часа» встречается большое количество топонимов. Нами было рассмотрено 86 употреблений данных имен, которые мы распределили по значениям на группы и в данной работе рассмотрели наиболее многочисленные из них. На основании анализа можем сделать вывод, что по этим именам собственным, обозначающим географические объекты, можно выявить противопоставление «свое – чужое», реализующееся на всех уровнях, т.е. одна из важных функций употребления топонимов в данном тексте – сравнение своей, родной и чужой, иноземной реальности.

Литература

1. *Абашиев В.В.* Литература и география. Урал в геопэтике России // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 2 (19).
2. *Абашиев В.В.* Русская литература Урала. Проблемы геопэтики. Пермь. 2012.
3. *Варбот Ж.Ж., Журавлев А.Ф.* Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии. М., 1998.
4. *Замятин Д.Н.* Метагеография и геопэтика // Введение в геопэтику. М., 2013
5. *Северянин И.* Роса оранжевого часа // Игорь Северянин. Сочинения: В 5 т. СПб., 1995. Т. 3.